

ВИЛЬНЮССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. КАПСУКАСА

На правах рукописи

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ

ОТРАЖЕНИЕ В БАЛТИЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ
ДВУХ СЕРИЙ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Специальность 10.02.15 – Балтийские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Вильнюс 1978 г.

Диссертация выполнена в секторе структурной типологии
Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, член-корреспондент

АН Литов. ССР В.П.МАЖОЛИС

доктор филологических наук А.Е.СУПРУН

доктор филологических наук А.САБАЛЯУСКАС

Ведущее учреждение – Институт языкоznания АН СССР.

Защита диссертации состоится " " 1979 г.
в _____ часов на заседании специализированного совета
Д 061.01.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора филологических наук при Вильнюсском государственном
университете им. В.Капсукаса. Адрес филологического факультета
Вильнюсского государственного университета им. В.Капсукаса:
232374, Вильнюс, ул. Университета, д.3.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Вильнюсского государственного университета (ул. Университета, 3).

Автореферат разослан " " 197 г.

Ученый секретарь специализированного
совета, кандидат филологических наук

Ю.Гирдзянис

© Вильнюсский государственный университет им. В.Капсукаса

Предлагаемая в диссертации теория двух серий форм индоевропейского глагола основана на отождествлении противопоставления корневых глаголов на -*m̥i* и на -*b̥i* в хеттском, длительных и аористических корней в индо-иранско-греческо-армянской диалектной области и определенных классов глаголов в балтийском и славянском.

Ключевое положение, которое занимает хеттский (и в целом анатолийский) глагол по отношению к индоевропейскому благодаря своей архаичности, делает оправданной попытку реконструкции наиболее ранней структуры именно на основе соотношений в анатолийском при условии вывода всех отдельных диалектных состояний (в частности, балтийского и славянского) из того, которое реконструируется прежде всего по материалам хеттского. Сказанное не означает, что хеттская система как таковая отображается на индоевропейскую взаимно-однозначным образом, как это в свое время пробовал сделать Бопп по отношению к санскритскому глаголу. Наоборот, предварительно оказывается необходимым вычленить все многочисленные новообразования внутри хеттского глагола. Но, сделав это, мы получаем модель системы, существенно более близкой к индоевропейской, чем те, которые могут быть восстановлены таким же способом для других диалектных групп, в том числе балтийской и славянской. Особенно существенно то, что каждая из последних может быть выведена из той, которая реконструирована на основе анатолийского, но обратное неверно.

Становление парадигм с преобладанием первой серии медленно осуществляется в истории отдельных диалектов. Этот вывод постепенно утверждавшийся в индоевропеистике, требует пересмотра взгляда на соотношение тематических и атематических глагольных

форм. Привлечение данных сравнительного индоевропейского языкоznания заставляет предположить, что при наличии двух параллельных форм – атематической и тематической – часто именно тематические формы представляют собой архаизм, хотя нередко в преобразованном виде.

Развитие балтийского и славянского глагола представляет некоторые разительные аналоги к общеиндоевропейскому, реконструированному на основании доступных в настоящее время наиболее архаичных текстов.

Важнейшими задачами оказывается определение места балтийских парадигм среди других диалектных индоевропейских и выявление особенностей лексического заполнения каждого из парадигматических классов глаголов в балтийском в сопоставлении со славянским и другими диалектами.

Диссертация состоит из введения, кратко излагающего постановку вопроса, трех основных глав и заключения.

В первой главе предлагается и обосновывается реконструкция двух общеиндоевропейских серий глагольных форм. Их общеиндоевропейский характер подтверждается благодаря отождествлению двух типов спряжения в хеттском (на -*hi* и на -*hi*) и двух типов медиопассивных форм. Хеттскому различию медиопассивных глаголов на -*ari* (3 л.ед.ч. медиопасс. спряжения на -*hi*), -*aru* (повелит. накл.) и -*tari* (3 л.ед.ч. медиопасс. спряжения на -*mi*), -*taru* (повел. накл.) соответствует различие таких же окончаний в лувийском. Следовательно, различие двух типов форм 3 л.ед.ч. медиопассива (соответственно от второй и первой серии глагольных форм) может быть реконструировано для общехетто-лувийского. Существование такого же противопоставления непосредственно обнаруживается и в оскско-умбрском и кельтском различии двух типов образования медиопассивных форм (с -*t-* и без -*t-* в 3 л.ед.ч.) и реконструируется для дописьменного состояния латинского и тохарского, в более позднее время обобщивших окончание с -*t-*.

Образование типа медиопассива 3 л.ед.ч. с *-*t-*, характерного для первой серии, следует отнести к эпохе, предшествующей разрыву связей анатолийского с носителями не только диалектов кельто-италийско-тохарско-Фригийской диалектной группы, где имеется медиопассив на *-*t(o)g*, но и диалектов индо-иранско-греческого ареала. Хеттские дублетные формы типа *kitta* : *kittari* отражают то диалектное состояние, из которого мог произойти как

индо-иранско-греческий тип медиопассива на *-to, так и итальянско-кельтский. Противопоставление в ведийском медиопассиве на *-to и на *-o(+i>-e) подтверждает наличие в индо-иранском тех же двух серий глагольных форм, которые на основании аналогичных оппозиций реконструируются для кельто-оскского-умбрского, с одной стороны, анатолийского - с другой.

Поскольку формы на *-to возникают позднее, чем формы на *-o, диалекты (латинский, тохарский, греческий), в которых представлены только формы на *-to, в доисторический период должны были характеризоваться этой оппозицией. Таким образом, оказывается возможным реконструировать противопоставление форм на *-o и на *-to для подавляющего числа индоевропейских диалектов. Тем самым для них с надежностью восстанавливается и наличие двух серий глагольных форм в относительно поздний период истории этих диалектов.

В греко-армяно-индо-иранской диалектной группе оказывается возможным выявить четкое отражение того же противопоставления двух серий глагольных форм. В это группе те глаголы, которые в анатолийских языках принадлежат к спряжению на -mi, относятся к числу длительных, присоединяющихся первичные окончания настоящего времени непосредственно к глагольной основе: хет. *wek-mi* 'требую, прошу'; др.-инд. *vas-mi*, хет. *zéz-zí* 'он спит', др.-инд. *sas-ti*. Глаголы же, в хеттском принадлежащие к спряжению на -hi, в греко-армяно-индо-иранской диалектной группе относятся к числу "аористических" корней, к которым непосредственно первичные окончания (типа -hi) не присоединялись. При сочетании же этих корней с вторичным окончанием (и аугментом) образуется корневой аорист. Как показывает сравнение с хеттским, от глаголов, образовавших формы по 2-й серии и характеризовавшихся значением недлительности, для выражения длительности регулярно использовались редуплицированные основы. При формировании в греко-индо-иранской диалектной группе противопоставления перфекта, аориста и презенса из таких основ с удвоением развились редуплицированные формы перфекта. В этом ареале образовалось, с одной стороны, противопоставление корневого аориста и перфекта, соответствующих (первый - по конкретному набору основ его образующих, второй - по окончаниям) 2-й серии форм, с другой стороны, различие редупликации в презенсе и перфекте, который начал противопостав-

ляться имперфекту. Исходный пункт развития для имперфекта и аориста можно видеть в индо-иранских формах инъинктива с вторичными окончаниями I-й серии, противопоставленного перфекту и еще не имеющему временного значения.

Согласно предположению, по которому слав.-q восходит к сочетанию окончания 2-й серии *-ō<*əH₂o с присоединившимся к нему окончанием инъинктива (вторичного I-й серии), контаминация этих двух окончаний оказывается характерной для этапа между началом распада 2-й серии и ее вытеснением формами I-й серии. Сходное присоединение окончания *-m (вторичного I-й серии) к показателю 2-й серии *-n(o) характерно для хеттск. -bhun.

Особенно существенным в этот период было формирование временных противопоставлений, которые отразили более древние вневременные. В лувийско-ликийской группе анатолийских языков и в тохарском показатель второй серии *-nо служит для образования форм прошедшего времени. Основообразующий элемент -ā-, составляющий основную характеристику тохарского претерита, отождествляется с -ā- в балтийском прошедшем времени. Претерит или функционально близкое наклонение на долгий гласный (-ā- и -ē-) оказывается характерным для балтийского и славянского и значительной группы других "западных" индоевропейских диалектов. Этот претерит, как и соответствующие ему модальные формы, можно считать специфическим для данной группы диалектов результатом развития 2-й серии индоевропейских глагольных форм.

Проведенное в последние годы исследование древнехеттских текстов первой половины II-го тысячелетия до н.э. подтверждает вывод, согласно которому сигматический показатель прошедшего времени включается в парадигму сначала в форме 3-го л.ед.ч. прошедшего времени 2-й серии. Принятие предположения об отражении форм этого типа в балтийском делает вероятным вывод об отражении в них характеристик периода, предшествовавшего становлению сигматического аориста.

Во второй главе рассматривается атематический класс глаголов и отражение глаголов первой серии в балтийском и славянском. В составе парадигм этих глаголов (в частности, *es- 'быть', *ed- 'есть', *ei- 'идти') выделяются формы, которые соответствуют типу не первой, а второй серии и оказываются более архаичными. В парадигме ст.-лит. esmi так может объясняться форма 2 л.ед.ч.

esie < **es-ei*. Наиболее очевидным свидетельством наличия древних тематических форм в парадигме **es-/s-* в балтийском является прус. 2 л. мн. ч. повелит. накл. *seiti*- древнее оптативное образование, в котором за нулевой ступенью корня следует суффикс тематического оптатива *-e/oi- : *s-e/oi-te.

Соответственно загадочная форма прус. 3 л. *seisei* объясняется как сигматическая форма тематического оптатива, непосредственно продолжающая тематический прекатив на *-oi-s, реконструированный на основании архаических ведийских форм. Сигматическая форма этого типа от нулевой ступени корня **es-* 'быть' засвидетельствована в тох. А 3 л. ед. ч. имперф. *ses* < *s-e/oi-s-e (из древнего оптатива).

Пратохарская форма 3 л. ед. ч. оптатива *s-e/oi-s-e, точно соответствующая прус. *seisei*, относится к числу тех наиболее архаичных индоевропейских сигматических образований, в которых прослеживается их связь с 2-й серией индоевропейских глагольных форм. В наиболее архаичных парадигмах этого типа употребление сигматического показателя ограничено 3-м лицом. В тохарской А парадигме имперфекта *se-* сигматический показатель -s < *-se выступает только в 3 л. ед. ч. Это представляется существенным доводом для сравнения с дефектной парадигмой прусского оптатива на -sei, ограниченной только 3-м л. ед. ч. Тип образования на *-s-e, объединяющий прусский с тохарским, в точности соответствует древнейшему сигматическому типу индоевропейских форм 3 л. ед. ч. 2-й серии. В прусском отражены более архаические формы, предшествовавшие грамматикализации аориста.

К таким древним (первоначально медиальным) сигматическим образованиям 2-й серии восходит слав. **jésvy* ст.-слав. ЪСЬ, юАСЬ, этимологически точно соответствующее др. - ирл. 'esur, 'estir (наст. вр. сослаг. н., депонентный глагол с основой **ed-s-*), лат. *essetur* и хеттскому глаголу спряжения на -bi 3 л. ед. ч. наст. вр. *e-iz-za-za-i* < **ed-so-i*. Архаичные именные производные от глагольных основ **ed-s-* и *(e)d-sk-, засвидетельствованных в анатолийском, представлены в балтийском и славянском: лит. *ēdesys*, *ēdesis* 'корм, еда, приманка', латыш. *ēdesis* 'корм для свиней', *ēsma* < *ed-s-mo* 'корм, еда, приманка'; ст.-слав. юАСЛИ, ИЗ-ЪСЬ; лит. диал. *ēska* < **ed-sko-* 'аппетит', *ēskus* < **ed-sk-u-s* 'прожорливый', латыш. *ēska* 'обжора', *ēskuot*

'часто есть', ср. лат. *esca* 'пища', *vēscor* 'питаюсь', др.-хет. *azzik-* 'много есть, наедаться'. Для балтийского реконструируется несколько архаичных производных от одного и того же корня *ed-, различавшихся суффиксами и типами образования личных форм: *ed-s-, *ed-sk-, ср. сходную пару глаголов *rōH-s- : *rōH-sk- с близкими значениями: лит. *rōsēti* 'почитать, кормить', латыш. *rāsēt* 'баловать, холить', слав. *pasti* 'пасты', лат. *rascō* 'пасты, кормить' (глагол 2-й серии, медиальный тип изменения которого засвидетельствован в латинском, тохарском и анатолийском).

Наличием у глагола *ei-/i-* двух древних способов образования форм по I-й и 2-й серии объясняется существованием двух форм 2 л.ед.ч. повел. н., каждая из которых соотносится с одной из серий. Форма 2-й серии представляет собой основу в ступени огласовки *e с нулевым суффиксом в диалектах, утративших ларингальный: лит. *ei-ki*, латыш. *ej*, прус. *eukete*, ср. греч. -*ei* в *éks-ei*, ст.-лат. *ei>i* при хет. *ehu* < **ei-H-u*; форма I-й серии отражена в др.-инд. вед. *ihi*, авест. *idi*, др.-перс. *idiy*, греч. *ithi*, умбр. *ef*, хет. *it* < **idhi*. В балтийских языках в архаичных формах отражена ситуация, при которой роль глагола в парадигме определялась не его лексической характеристикой, а grammatischen Funktionen, которая могла быть противоположной у глаголов одного корня, образовывавших коррелятивные пары форм типа **éiH- : i-dhí*. Хеттское соотношение *i-* (актив I-й серии) : *iua-* (медиопассив, объясняемый из древней 2-й серии) оказывается по происхождению родственным аналогичным соотношениям между лит. *eiti*, латыш. *iet*, о.-слав. инф. *iti*; лит. *jóti*, *jója*, *jójo*, латыш. *ját*, *jáj*, *jájo*, о.-слав. *jati* 'ехать' (с соответствием в тох. А *yā-*, др.-инд. *yā-*). Соотношение *eiti : *yāti* в общебалтийском и праславянском отражает различие двух основ, восходящих к корню **ei-/i-*, из которых одна спрягалась по I-й серии, другая — по 2-й (ср. **ed-* и **ed-s-*). Восстановливаемая для второго глагола праформа **yā- < *i-oH₂* — отвечает древнейшему типу тех основ на *-ā- < *oH₂-*, к которым можно возвести архаичные формы претерита в тохарском и родственные формы в западно-индоевропейском.

К периоду формирования ареальных связей между отдельными диалектными группами относится замена противопоставлений форм, образованных от одного корня по двум сериям, типа *es-*mi* : *(*e)s-*No*, лексическими противопоставлениями соответствующих глаголов, становящихся супплетивными членами одной парадигмы. Для древнеевропейских и индо-иранских языков в отличие от хеттского и тохарского характерно использование оппозиции основ *es-, с которой преимущественно связываются формы, восходящие к 1-й серии, и *b^h-*ū*-, с которой преимущественно связываются формы, восходящие ко 2-й серии. Некоторые модальные образования с оптативным значением служат контекстами, в которых возможна нейтрализация оппозиции этих двух корней: прус. *sēisei* и *boūsei*,ср.-лит. *eslo* и прус. *boūlai* (в принципе аналогичны модальные контексты нейтрализации этой оппозиции в итальянском).

В балтийской и славянской парадигме

*es- :	{	*b ^h <i>wi-</i>	: *b ^h <i>ū</i> - < *b ^h <i>uH-</i>
		*b ^h <i>wē-</i>	

основные противопоставления формируются на основе производных от *b^h*u*- (как и в оскско-умбрском). Следы связи с более древней дефектной сигматической парадигмой сохраняют прусские формы типа *boūsei*. В славянском к формам этого типа возводится *бытъ* < *b^h*uH**sto* (первоначально медиальная форма, ср. к семантике характерные греческие эквиваленты *egéneto*, *gégone*). Наличие оппозиции *бытъ* (из древней медиальной формы): *бы* (из формы с позднейшим "эффективным" значением по Кёльну): *бѣ* (из древнего глагола состояния) допускает сопоставление с балтийскими формами, отраженными в прус. *boūsei* : *bei*, соответствующими первому и третьему членам славянского противопоставления. Особая роль корня *es- в парадигме отражается и в некоторых диалектах (греческо-армянском, албанском, тохарском), где не используется *b^h*ū*- в качестве второго члена противопоставления: специфические формы, соответствующие по функции формам от *b^huH-* в других диалектах, образуются здесь от таких корней, как *d^heH* > тох. *tāk-* (в прошедшем времени от *nes- < *no-es-* 'быть').

Исклучительный интерес с этой точки зрения представляет отражение в латышском оппозиции глаголов *ei-/i-, от которого образуются формы настоящего времени, и глагола *gāju*, от которого

образуется прошедшее время к *ei-*. Соотношение латыш. диал. *eīmu* : *gāju* (ср. лит. диал. *góti*) воспроизводит на уровне противопоставления времен (настоящего и прошедшего) то общеиндоевропейское различие двух этих глаголов, которое в греческо-армяно-индо-иранской диалектной группе реализуется в качестве различия длительного и аористических корней. Сходное различие основы с носовым суффиксом в настоящем времени и древней претеритальной форме (по-видимому, с аугментом, отражавшимся в тохарском только в этой форме) *e-кшем* (др.-арм. *e-կի*) отражено в парадигме глагола, родственного латыш. *gāju*, в тохарском В. Аналогичное противопоставление в парадигме тохарского глагола со значением 'есть, кушать' использует в качестве основы, от которой образуется система форм настоящего времени, тох. A *swam*, тох. В *śūnat* родственное латыш. *žaunēt* 'много есть, быстро и часто есть' и словам со значением 'жевать', 'челюсти' в других балтийских языках и в славянском. Сопоставление тох. *śu* с глаголом **ed-mi* (I-я серия), вытекающее из функциональных соотношений в парадигме, подкрепляется фактами лингвистической географии: глагол в качестве синонима *ed-* обнаруживается в тех языках, которые утратили старое название 'зуба' *(e)de/ont- (изменение в семантическом поле 'челюсть' - 'жевать' - 'есть'). Сопоставление парадигматических соотношений в балтийском с тохарским и албанским показывает, что и в тех диалектах, которые находятся за пределами греческо-армяно-индо-иранского ареала, устойчиво сохраняется корневое противопоставление длительных глаголов и глаголов, восходящих ко второй серии. Длительный глагол мог заменяться другим словом, но оно продолжало образовывать формы, грамматически противопоставленные аористу или претериту и некоторым неизъявительным наклонениям.

Так, в частности, может быть объяснено и происхождение славянской оппозиции форм, одна из которых была образована от **ei(-dh)* и была связана с системой настоящего времени, а другая — с причастием прошедшего (и с итеративом от другого корня). При лексическом различии противопоставляемых основ те же исходные позиции двух серий, переосмыслиенных во временном плане, отображаются в различии древнегерманских форм 2-й серии типа гор. *iddja* и основы настоящего времени типа гор. *gaggan* (от которой первоначально не образовалось прошедшего времени), родственного ст.-лит. *žen̄gti* (атематический глагол I-й серии), лтш. *ziet*.

В класс атематических глаголов в старолитовском входит группа глаголов с огласовкой *o, которую в этом типе в балтийском и славянском Станд объяснял их принадлежностью к атематическим интенсиевным образованиям с удвоением. Эту точку зрения по отношению к о.-слав. *golgol-(*io*)- оказывается возможным подтвердить этимологическим отождествлением с основой хет. galgal-turi 'цимбалы, трещотки' (к суффиксу -turiср. uk-turi 'место сожжения трупов'). Первая часть сохраненного в хетском древнего обозначения обрядового музыкального инструмента galgal-turi < *golgol-tur- в точности соответствует о.-слав. *golgol-. Данное соответствие представляет собой интерес потому, что и для о.-слав. *tortor-iti обнаруживается соответствие в анатолийском: хет. tar- 'говорить', др.-хет. tar-ák- (итератив), лув. tataria- 'проклясть' (с нормальной редупликацией); лит. tarš-kéti, társka, tarškéjo, лтш. tērkškēt, слав. *terskati (соотношение *tor- : *tor-sk- идентично в балтийском, славянском и хетском).

На основании структурных соответствий в хет. Pariprai- 'дуть' (в рог) можно предположить, что вся группа балтийских и славянских итеративов (в том числе и глаголов, обозначающих производство звуков) типа лит. bárti, tařti являлась продолжением определенного подкласса глаголов 2-й серии, рано начавших образовывать формы по типу 1-й серии, но сохранивших древнюю огласовку.

Сопоставление хет. te-mi 'говорю' (супплетивный глагол к tar-) : tehp̥i 'кладу' и слав. *dě-mъ : *dějо, (др.-чеш. díem : dějо) позволяет установить особый морфологический архаизм праславянского, заключающийся в грамматическом отражении оппозиции глаголов двух серий *děmi(< *deH-mi) : *dheHо. Семантическим контекстом, в котором позднее в истории отдельных славянских языков могло осуществляться смешение этих фонетически близких глаголов, могла быть конструкция типа др.-чеш. dieti jmě 'установить имя', ст.-польск. dzieć imię.

Чередование *e и нулевой ступени (или ступени редукции) в корне, отражаемое в славянских окситонированных парадигмах древних атематических глаголов I-й серии и косвенно в соотношении основ личных и неличных форм некоторых балтийских глаголов этого типа (лишь частично сохранивших древнюю подвижность), восходит к индоевропейскому в глаголах типа др.-инд. hánti, хет.

kuenzi < *gʷʰénti, хет. *kunanzi*, др.-инд. *ghanti* < *gʷʰne/onti. В соответствующем тематическом глаголе в балтийском настоящем времени обобщена огласовка *e (слав. ženq, лит. genù, лтш. dzēnu 'гоню') при ступени редукции в восточно-балтийском претерите: лит. *gine*, лтш. *dzinu*. Объяснение огласовки слав. *g̣nati*, прус. *guntwei* 'treiben', I л. мн.ч. *gunnimai*, лит. *pagunikis* как ступени редукции *o к *e может опираться на параллелизм развития в балтийском группе типа *gʷʰor>*guR* и типа *H₂oR>*uR*, лит. *upé*, лтш. *ipa* < и.-е. *H₂or-, хет. *har-* 'поток, река', прус. *wumpnis* 'Backofen', *umnode* 'Backhaus' < *iupn-, хет. *happina* 'огонь на очаге (для готовки)', греч. *ipnós* 'печь, кухонный очаг' < и.-е. *H₂or- при ступени *o в *H₂oro-> др.-исл. *ofn*, др.-англ. *ofen*, др.-в.-нем. *oven*.

Огласовка *e характеризует такие старолитовские атематические глаголы, как *sergmi*, *sergti*, морфологический тип которого находит соответствие в хеттском атематическом глаголе спряжения на -mi *išarkzi* 'болеет' (огласовка в хеттском автоматически определяется структурой корня). Хеттский глагол употребляется в безличных конструкциях со значениями 'ему плохо', 'ему больно, ему болеется'. Эти конструкции совпадают с подобными же конструкциями у других атематических глаголов, восходящих к I-й серии, причем при глаголе *es- общеиндоевропейский характер "центростремительной" конструкции с дательным субъекта доказывается совпадением древних языков.

Семантическое поле центростремительных глаголов, для которых могли быть характерны непереходные конструкции, могло оказаться сферой нейтрализации оппозиции между глаголами I-й и 2-й серии, что способствовало вовлечению в балтийском значительного числа древних глаголов 2-й серии в класс атематических глаголов (с окончанием I-й серии) с позднейшим изменением их огласовки. Так объясняется огласовка *e в ст.-лит. *pavelt*, слав. *velitъ* (IУ-й класс) при вероятно более архаичной огласовке a < *o в ст.-лит. *ra-kati*, *is-kakti*, лтш. *kacet* (носр.-слав. čakati, čekati), ст.-лит. *alkti* 'алчет, алчут', лтш. *alkstu*, слав. прич. *olkomъ.

По отношению к атематическим глаголам с огласовкой *e ст.-лит. *meigmī*, прус. *meicte* 'спать' возможна реконструкция глагола I-й серии *meig-ti с характерным употреблением в конструкциях типа лит. *nesimiegojo ir Jolmī*; *Anie miegos kožna diena*, ср.

такие безличные конструкции с лит. *niežti*, как лит. *niežti mi*, *kam niežt*, лтш. *kam niez* 'у кого зудит' (при использовании родственного осет. *niz* 'болезнь' в оборотах типа *niz kaemae næi* 'у кого нет болезни'). Осетинское соответствие в последнем случае представляет собой интерес, так как оно подтверждает, что балтийская безличная конструкция (как и хеттская конструкция с *ištark-*) может восходить к безличным обозначениям действующей силы, враждебной человеку. Такая семантика говорит скорее в пользу древней активной формы (I-й серии), чем формы 2-й серии с инактивным (позднее медиальным) значением.

Архаизмом, в котором форма на *-ti* косвенно отражает старое значение 3 л.ед.ч., следует признать и употребляемой в безличной конструкции атематический глагол ст.-лит. *и* диал. лит. 3 л. *sniegtⁱ* 'снегит', 'идет снег'. Литовский морфологический архаизм заключающийся в сохранении в старолитовском группе атематических глаголов I-й серии, в которую рано стали включаться и глаголы 2-й серии, можно связать с сохранением (вплоть до современных диалектов) соответствующих безличных конструкций.

Для интерпретации ст.-лит. *liekmi* (атематический глагол с огласовкой *e в отличие от *o>a в прусс. *polaikt*) существенны явные следы форм 2-й серии от этого корня, как перфектных типа гор. *laih-* (при редупликации в греч. *leloipa*, др.-инд.*gireca*), которые обычно привлекались для истолкования балтийских форм, так и аористических. Согласно современным представлениям о древних функциях инъиктива, отражающих период до четко оформленного временного противопоставления первичных и вторичных окончаний, вед. инъикт. 2 л.дв.ч. *rik-tam* можно прямо отождествить с исходной формой, реконструируемой для ст.-лит. *liekmi*. В определенный ранний период в истории балтийских языков форма 2-й серии, огласовка которой еще отражается в прусс. *polaikt*, перестроилась по типу I-й серии.

След древнего восточно-индоевропейского глагола отражен в лит. диал. *juosmi* 'опоясывать', слав. **rojasъ*, алб. *ngjesh* 'опоясывать', *ngjishem* 'опоясываться', греч. гом. мед. *dzōsato* (остаток медиальной сигматической формы) при многочисленных именных производных в балтийском (лит. *juosta*, лтш. *juosta*), славянском, греческом (*dzostōs*), авестийском (*yāsta*), кафирском (прасун *yasē* 'пояс').

Засвидетельствованный в старолитовском атематический глагол *raumi*, *rausi*, *rauti* находит точное морфологическое соответствие в др.-инд. *r̥ódimi*, *r̥odisi*, *r̥editi*, что позволяет допустить для определенного хронологического уровня древность атематического глагола I-й серии.

По отношению к группе атематических глаголов типа ст.-лит. *bēgmi*, *bēgti* (лтш. *bēg*, слав. *bēgo* с долгим *ē в тематическом глаголе), лит. *degmi* (с подвижной парадигмой у Даушки, окситонированной в славянском), прош. врем. *dēgē* источник долгого *ē можно искать в родственных формах 2-й серии типа др.-инд. *adhak*, ср. лит. прош. врем. *sēdo*, слав. аор. I л. *vēdъ* при др.-инд. вед. *sādat-*, др.-ирл. *síd*.

Наиболее четкое доказательство происхождения старолитовских "центростремительных" атематических глаголов из форм 2-й серии дает ср.-лит. *megti*, лтш. *mēdu*, показывающее постепенный переход от форм с архаической огласовкой (слав. *mogq*) к новообразованиям по типу I-й серии, ср. аналогичный переход в новый тип, реконструируемый для ст.-литш. *atruomi*, диал. лтш. *atrūmu* при лит. *rañda*, *rādo*, *rāsti*, слов. *rediti* 'кормить' (и старом каузативе — слав. **roditi*). Соотношение между древней основой **rad-(mai)*, представляющей собой преобразование формы 2-й серии по типу I-й серии, и позднейшей носовой основой в восточно-балтийском объясняется их непереходным значением.

То, что в славянском на достаточно раннем этапе существовал класс атематических глаголов на -*mi*, по своему составу более широкий, чем реликты атематических глаголов I-й серии, следует из включения в этот класс в славянском, как и в балтийском, нескольких древних глаголов 2-й серии. Об этом же свидетельствует и включение в тот же тип слов. **j̥tma* (окситонированная парадигма). Сохранение в праславянском этого единственного глагола на *-ā- и перевод его в атематический класс глаголов позволяет более четко определить относительную хронологию развития праславянского по сравнению с другими индоевропейскими диалектами.

Распад атематического класса глаголов в праславянском на позднем этапе его истории можно сравнить типологически с ситуацией в литовских диалектах. В балтийском достаточно долго сохранялась принадлежность ко второй серии таких глаголов, которые в других диалектах рано начали переходить в парадигматический тип I-й серии. Период, когда атематический тип образования форм

в восточно-балтийском был продуктивен, был еще достаточно близок к письменному периоду. До этого ситуация в общебалтийском была существенно ближе к реконструированному индоевропейскому до того, как в отдельных группах начало осуществляться движение, приведшее к распаду 2-й серии и к переходу значительного числа глаголов этой серии в I-ю серию. Этот процесс можно проследить именно в таких случаях, как прусс. *imma* 'најам', лит. *ima*, єшё, *ĩm̄ti* при слав. *јъмо₂ (при указании на сходный древний тип в аористе).

Атематические производные на -m̄i этого типа представлены в ряде древних индоевропейских диалектов, но в каждом из них внутридиалектные отношения позволяют убедиться во вторичности образования формы по типу I-й серии по сравнению с более древним типом образования по 2-й серии. Как показывает история хеттских глаголов на -ahh- < *eH₂- и тохарских типа тох. A lkām, B lkatär, переход этих глаголов из I-й серии форм во 2-ю осуществлялся на протяжении истории отдельных диалектов. Общим для всех диалектов было исходное состояние, когда глаголы на -eH₂- относились ко 2-й серии. Перевод же их (частичный, как в полуатематических глаголах типа лит. *sakau* и гот. *salbō* : *salbōm*, или полный, как в слав. *јъшать*) в атематический тип на -m̄i и последующее разрушение этого типа составляют содержание развития в каждом из отдельных диалектов.

В третьей главе диссертации исследуется развитие в балтийском и славянских древних индоевропейских глаголов 2-й серии. И в балтийском, и в славянском в группу атематических глаголов перешел глагол *dōH* -> *dō-* : ст.-лит. *duomi* (у Даукши подвижная парадигма, прич. *duodās*, ср. лтш. *dūom̄i*, при окситонированной парадигме слав. *dāmъ*), прусс. *dāst*. Отражение в балтийской и славянской парадигме нередуплицированных форм глаголов следует из ряда данных. В анатолийском, где еще сохраняется парадигма 2-й серии этого глагола, он представлен без редупликации: хет. *dahhi*, др.-хетт. *dahhe* < *dōHa-1 'беру'. В пределах греко-индо-иранской диалектной области, на основании фактов которой и был сформулирован принцип использования в качестве основ настоящего времени от неаористических корней редуплицированных форм, этот принцип в древнейших текстах (всдийских) не проводится последовательно. Сравнение наиболее архаичных диалектов позволяет восстановить древнюю парадигму ед.ч. 2-й серии как нередуплицированную:

1 л.ед.ч. **doH(o)** (хетт. **dahhe**, иер.-лув. **ta-ha**, авест. **dā-**, лат. **dō-**).

2 л.ед.ч. **do-tHo** (хетт. мед. **datta**).

3 л.ед.ч. **d(H)o** (иер.-лув. **ta-a**, хетт. **dai**, вед. **ā-da-t < ā-da**).

С архаическими формами 3 л.ед.ч. мед. на **-to** в отдельных диалектах ***d(H)o-to** (хетт. **dattari**, лит. **datur**), с одной стороны, и с сигматическими формами 3 л.ед.ч. типа др.-хетт. **dās** 'он взял', с другой, сопоставимы балтийские и славянские сигматические (а не редуплицированные, как предполагалось) формы ст.-лит. **duosti**, прусс. **dāst**, слав. **dastъ**. Позднее сигматический показатель мог быть распространен и на другие лица в образованиях позднейшего происхождения, в частности, на первое, как в аористе **daxъ**, I л.ед.ч., отождествляемом с ***-s-om** (ср. вторичное **-ōm** в лат. **s-ōm > sum**) в алб. **dhashē** (ср. также др.-арм. **edu < *e-do(H)-som** по Годелю):

	албанский	славянский
1 л.	dhashē	daxъ
2 л.	dhe	da
3 л.	dha	da

Албанский аорист от **doH-** противопоставляется супплетивным формам настоящего времени так же, как аорист **hengra** (с соответствием в древнеармянских формах от ***gʷer-** с аугментом) в парадигме глагола 'есть' и аорист **erdha** в парадигме 'приходить' (с соответствиями в древнегреческом и древнеирландском). В подобных случаях в албанском в супплетивном различении основ презенса и аориста проступает противопоставление двух серий, преобразованных по типу, близкому к греко-индо-ирано-армянскому.

Славянские формы 2-3 л.ед.ч. аор. **dastъ** обнаруживают разительное сходство не только с наиболее архаичным типом индо-европейских сигматических форм, выраженным в хеттском спряжении на **-bi** (окончание 2-3 л.ед.ч. **-sta**), в тохарском медиопассиве и ведийском прекативе, но и с формами таких западно-индоевропейских диалектов, как венетский. Если правильна интерпретация венетской парадигмы как свидетельства распространения сигматического показателя из медиальных форм (**dona.s.to**) на формы мн.ч. действительного залога через форму 3 л.мн.ч. (**donasan**), то сходным образом можно наметить относительную хронологию славянских форм.

В слав. *dašq (ср. венет. do-na-san) можно видеть промежуточный этап между архаическими формами типа *dast̩* (хетт. *daštā*) и более новыми образованиями типа *daxom̩* (алб. *dashë*). Архаизм, сохраняющий след ограничения сегматического показателя 3-м лицом, представлен в прусс. *dāsai*.

Согласно общей закономерности, обнаруживаемой во всех древних основах с исходом на ларингальный (долгий гласный после падения ларингальных), корням этого типа в балтийском и славянском соответствовали глаголы с основой на *-ye/o после долгого гласного, ср. др.-инд. *gā*, лтш. *gāj* (прощ.вр.), др.-инд. *uā-*: лит. *jója*, *jōjo*. Вероятно предположение об использовании для устранения зияния после падения конечной ларингальной фонемы корня основообразующего элемента -у-, выступающего в формах типа прус. *daia-* 'дар', слав. *dajq*, *daiati*, др.-инд. *daya-* 'подарок', *dāya-* 'дарующий'. Этот элемент -у- можно считать не прямым фонетическим продолжением -H-, а его морфологическим косвенным отражением на стыке корневого и суффиксального морфов. Сходным образом следует интерпретировать и элемент *w->v- в восточнобалтийском отлагольном имени: лит. *dovana* 'дар', лтш. *dāvana* 'дар'. Соотношение между восточнобалтийскими формами и прусским исключает чисто фонетическое объяснение -v- в восточно-балтийских формах и в слав. *davati*, которые можно сблизить с лат. *duim*, фалиск. *douiad*, умбр. *purdouitu*, хет. I л. мн.ч. *du-mmeni*. Во всех этих формах представлена глагольная основа с суффиксом -w-, характерным для 2-й серии (-и в древнеиндийском перфекте, тох. -wa, лат. -i, галл. *iēgu*, алб. -va в аористе).

Глагол *dheH- > *dhē- полностью параллелен глаголу *doh->*dō- в древних индоевропейских диалектах. В балтийском, но не в славянском (где сохранилось противопоставление *dēm̩* : *dējo*) глагол *dheH- перешел, как и *doh-, в класс атематических глаголов: ст.-лит. *dem̩i*, атематический глагол (баритонированная парадигма, *nudēdas* Дакши). Как и по отношению к ст.-лит. *duom̩i*, в парадигме личных форм *dem̩i* нет оснований предполагать отражения редуплицированных форм. Редуплицированная основа от *dheH- в древнекхеттских текстах сохраняется в качестве лексического архаизма — длительного глагола с результативным значением, противопоставленным недлительному нередуплицированному *tēhhi* 'ставить, кладу' : *titiyai*- 'основывать вновь и вновь, закладывать (о городах)', 'устанавливать, давать взамен', *tittanu*- 'основывать'

(с носовым суффиксом, как в слав. *děno*). Индоевропейское лексическое противопоставление, сохранившееся в анатолийском в различии длительно-результативных редуплицированных основ и недлительного *d^heH-, в славянском отражено в противопоставлении редуплицированной основы *-dežda* < *ded-j-, осмысленной как основа совершенного вида (ср. значение результативности в хеттском), и нередуплицированной основы, осмысленной как соотнесенный с ней итератив.

Древность нередуплицированных образований видна из данных латинского (*feced* наряду с **vhe:vhaked*) и германского, где редуплицированная основа, сходная с индо-иранской, выступает только в прошедшем времени.

Спряжение германского глагола в настоящем времени сходно со старолитовским:

Древнесаксонский	Древневерхненемецкий	Старолитовский
1 л.ед.ч. <i>dōm</i>	<i>tōm</i>	<i>demi</i>
2 л.ед.ч <i>dōs</i>	<i>tōs</i>	<i>desi</i>
3 л.ед.ч. <i>dōd</i>	<i>tōt</i>	<i>dēsti</i>

Формы типа др.-сакс. *dōm*, ст.-лит. *demi* могут быть восточно-балтийско-германской изоглоссой. Но старолитовская форма 3 л.ед.ч. является архаизмом, сохранившим след древнего сигматического показателя, ср. хет.*dais*, др.-инд. аор. *dhās*, фриг. *edaes* (ср. венет. *vtag.s.to*, тох.А конъюнкт. акт. *tās* < **takse* < **dheH-s(e)*).

В умбр.конъюнкт. аор. 3 л.ед.ч. *feia* представлена форма, практически совпадающая с лит. 3 л.прош.вр. *dējo*, ср. также алломорф *tiya-* при *dai* в парадигме *tehhi* < *tehhe* в хеттском. В балтийском и славянском появление основы на *-ye/o- после долгого гласного при сохранении 2-й серии подчиняется общему правилу, ср.др.-инд. *dhā-*: лтш. *dēju*, *dēju*, слав. *dějo*.

Элемент *-w-, сходный с *-y- как "заполнитель зияния" на морфемном шве, представлен в лит. *dēvi*, *dēvēti*, слав. *-dēvzti*, ср. др.-инд. *dadhau* (перф.). Предположение об исходном суффиксальном характере этой основы подтверждается иер.-лув. *tuwaha* < d^h-uw-oNo, лув. *tuwa*, 3 л. *tuwā*. Исходная парадигма восстанавливается как

1 л.ед.ч.	*d ^h -uw-(o)No
2 л.ед.ч.	*d ^h -uw-(o)tNo
3 л.ед.ч.	*d ^h -uw-(H)o

(позднее *d^huw-oto мэд.).

И.-е. *stoH- параллельно *d^beH и *doH- в большинстве диалектов. В балтийском и славянском при глаголе с исходом на долгий гласный (из ларингального) закономерно обнаруживается основа на -ya/o- в восточно-балтийском в настоящем и прошедшем времени (*stoja*, *stojo*), в прусском в прошедшем времени (*postāi*), в славянском в качестве основы несовершенного вида (*stojati*). В общебалтийском претерите на -ja- можно видеть отражение формы 2-й серии типа *stoHo*, причем судя по форме типа лтш. *gāji* такие преобразованные формы 2-й серии достаточно рано могли получать значение претерита.

Соотношение прус. *postānai* (наст.вр.): *postāi* (прош.вр.) может быть интерпретировано как архаизм, отражающий более древнее соотношение основы *st-o-n-oH- с носовым инфиксом и *stoH- без инфикса, ср. аналогичное *(i)y-(o)-n(o)-H-, отраженное в хет. *iyanahhē* при *iyaħħa*, мед. к *iya-* 'идти (длительно) походом', 'ехать', балт. *ja-*, слав. *ja-* (*jaxati*). В пользу предложенной интерпретации может говорить др.-хет. *istanh-* 'вкусить', ср. *istandai-* 'медлить, останавливаться' со структурой, аналогичной гор. *standan*, ср. тип слав. *bqdq*, лат. *fundō*.

Соотношение прус. *postānai*: *postāi* является пережитком состояния, когда основы с носовым суффиксом могли образовывать формы настоящего времени, тогда как форма прошедшего времени от глаголов 2-й серии строились без этого элемента (ср. следы этого типа построения форм в славянском *stanq*). Лит. *sienù*, для типа образования которого имеется значительное число параллелей (в тохарском, латинском, хеттском), является производным на носовой к основе 2-й серии, вторично включенным в парадигму глагола 1-й серии (ср.аналогичное развитие в тохарском). Как архаическая основа на носовой может рассматриваться и форма настоящего времени лтш. диал. *sienu*, прош.вр. *seju*, инф. *siet*, лит. диал. *sienù*, прош.вр. *sejau* при др.-инд. вед. *sināti*'привязывает', *sH-i-noH, инфицированная основа к хет. *ishiya-*.

Соотношение между хеттскими глаголами спряжения на -hi, обнаруживающими алломорфы основы на -ia-, и балтийскими и славянскими основами на -i- регулярно выдерживается в группе глаголов типа хет. *dai-/deħhi:* слав. *dējq*, лтш. *dēju*, лит. З л. прош. вр. *dējo*; хет. *tiya-*; слав. *stajq*, лит. *stoja*, *stojo*, лтш. *stāj*, *stāja*, прус. прош.вр. *postāi*; хет. *ispai/ispiya-*;

слав. *spéjo*, лит. *spéja*, лтш. *spéju*; хет. *sai-/šiya*: слав. *šejo*, лит. *šeja*, *séjo*, лтш. *séji*, хет. *išhai-/išhiya-*, лит. *siéjo* (прош.вр.), лтш. *séji*. Поэтому удается доказать древность всей группы балтийских и славянских глаголов на *-уе/o-, продолжавших тип подкласса глаголов 2-й серии, засвидетельствованный и в анатолийском. В каждом из других диалектных ареалов (индо-ирано-армяно-греческом и западно-индоевропейском) оказывается возможным установить связь этимологически соответствующих глаголов со 2-й серией индоевропейских форм. Вся эта группа глаголов в целом восходит к индоевропейским глаголам 2-й серии. Инновацией славянского (в отличие от балтийского, где первоначально основы на -i- соотносились с категорией прошедшего времени, ср. тип. лтш. *gáji*, прусск. *postāi*) было обобщение основы на -уа/o- для настоящего времени, что было переосмыслено в рамках собственно славянской системы видо-временных отношений.

С помощью анатолийских соответствий удается восстановить древнюю структуру глагольной основы, отраженной в слав. *šijq*: хет. *išhi-u-1* 'договор' (от *išhiya* 'связывать!'), *išhi-mana-* 'веревка, ремень', др.-инд. *ayūman* 'нить', *ayū-tá-*'сшитый' (**aHiu-> ayū-* с удлинением сонанта под воздействием предшествующего ларингального, ср. др.-инд. *iśā* 'дыньло': хет. *bíssā*).

На основании соответствий в других языках к той же группе глаголов 2-й серии можно отнести лтш. *dēju*, *dēt* 'сосать' (грудь) (при вед. *adhāt*, аорист); лтш. *snēju* 'drehe locker zusammen' (лат. *nēvī*); слав. *bajo* 'рассказываю', 'заклинаю' (лат. *for*; медиальный тип *fatur*, греч. гом. *pháto* первичен по отношению к греч. гом. *phēmī*: переход от медиального спряжения к активному по 1-й серии).

При корнях, оканчивающихся на согласный, индоевропейским глаголом 2-й серии соответствуют в славянском и отчасти в балтийском баритонированные полутематические основы на -i и глаголы на -уе/o- без второй основы на -ā-: др.-хет. *maldai-* (спряжение на -yā-) 'молить богов, совершая жертвоприношение', слав. *mo(d)lit*, лит. *maldytı*, лтш. *samaldit*; хет. *malla-* 'молот' (спряжение на -hi), огласовка о (> a) в редуплицированной именной форме *məmal*, лтш. *malù*, *małt* (лит. *măla* : *măle*), слав. *meljq*, *moljq*, хет. *iškallai-* 'разрывать, разрезать': лтш. *kalū* (*kalā-*), *kait*, лит. *kalū*, *kalaū* (*kaliaū*), слав. *koljq*, греч. *skállo* < *skl-yo-*.

При нередуплицированном глаголе 2-й серии лув. *manah* 'я сказал' (гот. *man* : *manum*, др.-инд. *manvate*, греч. *mainetai* <*man-ye-tai*>, и редуплицированном в лув. *mampana-* 'много говорить', хет. *mem-a-* <**memna-*> (греч. *memona*, *memnāmai*, лат. *meminī*) в балтийском представлен глагол "полутематического" типа на *-i-*, соотносящийся с основой на *-e-*: лит. *mini*, *minejo*, *minēti*, лтш. *minu*, *minēt*. Нулевая огласовка форм множественного числа 2-й серии (типа гот. *minim* <**m̥i-mē*>) может быть соотставлена с огласовкой слав. *minit*, но в славянском и балтийском нулевая огласовка была обобщена на всю парадигму.

Огласовка **o* может считаться характерной приметой ряда "полутематических" балтийских и славянских глаголов на **-i/-e-*, водимых к формам 2-й серии (ср. огласовку форм **o* типа хет. *šakhi*, 'знаю', спряжение на *-hi*): лит. *gäri*, *garéti*, слав. *goriti* : *goréti* (греч. мед. *théromai*), слав. *bojati* (*sq*) и т.п. В глаголах этого типа представлена ступень удлинения: слав. *varit*, хет. *zag-* (спряжение на *-hi*) при производном на *-d-* **-dh-* в лит. *vérda*, лтш. *vérdu* (ср. ст.-лит. *merdmi* 'incipio моги', лтш. *merdēt*: слав. *мъго*, др.-инд. *ámrta*, аор.).

Непосредственное отражение не только огласовки, но и флексии 2-й серии обнаруживается в слав. *vědě*, где *-ě* <**-Hoi*, как др.-хет. *-he* <**Hai* в синонимичном *šakhi* <*sakhe* (окончание объясняется преобразованием флексии 2-й серии под аналогичным воздействием первичных окончаний на *-i*). Переход в тип атематических глаголов на *-mi*, сходный с развитием слав. *damь*, обнаруживается в слав. *věmь*, ст.-лит. *weidzmi* при прусск. *waisei*. Исходная форма 2-й серии сохранена в контексте отрицания: лтш. *ne vaid* 'нет (отсутствует)' <**ne vaid*, ср. аналогичное по функциям лит. *néra* <**ne ugā*, где *ugā-* предполагаемая форма 2-й серии.

К числу морфологических архаизмов, выделяемых в балтийских глагольных формах, относятся модальные типа ст.-лит. *eslo* 'есто', прус. *būlai* (лтш. диал. *byulu*, *byutulu*). Сопоставление ст.-лит. *eslo* с хет. *asallu*, *eš-l-u-t*, *eš-l-i-t* (волинтатив) 'да буду я' в настоящее время оказывается возможным подтвердить благодаря сближению и с тохарским A *nesallo*, B *nasál*, герундив на *-l* от **no-es-* 'быть': **n(o)-(e)s-l-* 'долженствующий быть'. Анатолийский и балтийский объединяются включением форм на *-l* в парадигму, тогда как в тохарском герундив (как родственные

Формы на -1 в армянском и общеславянском) остается неличной формой, которая может быть отнесена к любому лицу. Для оценки соотношения между перфектом в греческо-индо-иранском ареале и функционально (но не по происхождению) соответствующими ему аналитическими конструкциями в славянском существенно то, что отглагольные прилагательные на -1, с помощью которых строился славянский перфект, восходят к весьма архаичным формам, родственным тохарским герундивам. Показательно соответствие характерных для славянского модальных значений этих форм функции родственных форм тохарских герундивов и балтийского и анатолийского волкнитива. Дальнейшее славянское развитие также находит точный аналог в анатолийском,ср. лидийск. e-1 'он был' < *es-1 (хет. eš-1- в ešl-ut, ešl-it, ст.-лит. eslo). Функциональное переосмысление модальных форм как временных находит параллели в истории индо-иранского и позднеиндоевропейского инъиктива (к которому возводится -ом в славянских окончаниях I л.ед.ч.), тохарского имперфекта (из оптатива) и в истории модальных образований на долгий гласный, соответствующих в западно-индоевропейском ареале балтийским и славянским основам претерита на долгий главный. Теоретический вывод о единстве категории времени – наклонения, полученный в ранговой грамматике, подтверждается благодаря применению метода рангового описания к индоевропейским формам I-й серии типа З л.ед.ч. -t-i (наст. вр. слав. ть, балт. ti), -t-u (повел. накл.). Выработка системы временных форм на основе более древних модальных и видовых характеризует движение от общеиндоевропейского к отдельным диалектным состояниям.

На раннем этапе развития диалектов индоевропейского, реконструируемом благодаря сравнению анатолийских, индо-иранско-греческих, западно-индоевропейских, балтийских и славянских данных, видовые значения (типа перфективности и предельности) могли передаваться особыми синтаксическими частицами, находившимися в начале предложения в позиции, определяемой законом Вакернагеля, до глагола или после (начального) глагола. В частности, реконструируются следующие индоевропейские сочетания с *som и *kom:

И.-е. *som + ed- 'есть': хет. san + ed 'съесть' (сочетание с перфективным значением), др.-инд. sam + ad 'пожрать полностью', слав. sъnědъ, sъněsti, др.-чеш. sniesti, snidani (ко второй половине *sъn-ědъ,ср. лит. ēdis 'пища', прус. īdis).

И.-е. *kom + ed-: хет. kan + ed- 'скушать', лат. com-edī (в архаической латыни у Плавта не образует имперфекта).

И.-е. *sow + ei- 'идти': хет. san + paɪ- (*po- + ei/i-) 'пойти' (сочетание с перфективным значением), др.-инд. вед.

sam + i-'сойтись', греч. гом. σύν-ει 'сойтись, столкнуться в бою, вступить в бой', слав. sъniti, iti st(n) (постпозитивное употребление,ср. лит. eiti su, прус. sen).

И.-е. *sow + dheiH- 'ставить, класть': др.-хет. ūsan + dai- 'проявить, выказать' (сочетание с перфективным значением), др.-инд. вед. sam-dhā-, греч. гом. syn-thesíē 'договор, соглашение, поручение', лит. sandà 'наем, аренда', sandytì, sandō, sandē 'нанимать', слав. sъdъ 'суд', si- dē- в сложных именах типа *sъ-dē-slavъ.

И.-е. *sow + poHs-; др.-хет. -šan + paħš- 'защищать', ст.-слав. sъpasti 'спасти'.

И.-е. *kom + dheiH-: др.-хет. kan- + dai-, лат. condit 'основывает'.

Сочетания этого типа с ранними видовыми значениями могли комбинироваться с превербами, первоначально еще сохранявшими более конкретный или специализированный (в частности, пространственный) характер:

И.-е. *pe/o + ei-/i- 'идти': др.-хет. paɪ- 'идти' (глагол, заменивший в хеттском еще и дописьменный период бесприставочный глагол ei-/i-, сохранившийся в лувийском), тох. A pis, B ras (повел.накл.), слав. poiti (в славянском, как и в балтийском и анатолийском, преверб *po- первоначально противопоставлялся превербу *au- по признаку центробежности-центростремительности), ср. в сочетании с (первоначально видовой) частицей *kom-: хет. kan- + paɪ-, слав. poiti kъ(n).

И.-е. *po-+ stoH- : тохар. A pastak, pāstakas, прус. postāt, postānāi, postāi.

И.-е. *p^e/o + H(o)rk- : др.-хет. hark- pe 'держать', лат. porceo 'удерживать, задерживаю'.

И.-е. *(a)u- + doH- : хет. uda- 'принести', прус. audat (sien) 'происходить, осуществляться' (в частности, о воле бога, архаическое мифологическое значение и.-е. *doH-).

И.-е. *pro- + b^huH-: др.-инд. вед. pra-bhūś- 'усиливать, укреплять', иран. fra-buš, греч. pro-phýson, др.-ирл. go- + bi

(в древнеирландском грамматикализованное сочетание), др.-чеш. *probýčuchny*.

И.-е. **per(om)* + *d^beH-*: хет. *para dai-* 'высаживать, вытаскивать', *piran dai-* 'установить перед кем-нибудь, освятить', др.-инд. вед. *pari dhā-* 'сберегая обложить вокруг, одевать'; *paridhi-* 'защита', 'дрова, сложенные вокруг алтаря и образующие единой целое, плетение'; греч. ГОМ. *peri tithēmi* 'вдохнуть в кого-либо мощь', 'обложить кругом (жаровню); возложить, одеть на себя', славянское сочетание преверба **рег-* с глаголом *dē-* в собственных именах, ст.-лит. *pradestisi*, др.-ирл. *tarti <to-(p)go-ad-dhēt*.

К числу реконструируемых фрагментов диалектных индоевропейских и общесиндоевропейских текстов, включавших рассматриваемые в диссертации глаголы, относится группа, включающая начальное **n(e/o)u* - 'теперь, сейчас' (слав. *нъ*, лит. *nuo-*, *nu-*):

И.-е. **ne/ou* + **g^bengh-*, лтш. *nuoziegties* 'согрешать, преступать', *nuoziegt* 'совершать преступление' (в старолатышском: *gribu es pie mana tēva savu mūžu nuoziedzis būt; tev gribi nuoziedzis būt*), *nuoziequms* 'преступление, прегрешение', лит. *nusizēngti* 'совершать преступление, провиниться', др.-исл. *nu + gaggan(nú...gekk)*.

**n(e/o)u* + **tor-*: др.-хет. *nu tar-*; ст.-лит. *nuotartis* 'хула, порицание, укор' (Byskupas *tur būti be nutarties*), 'недостаток' (*abudu be nutarties*) 'оговорка'.

**n(e/o)u* + **doH-*: хет. *nu ... da*, ст.-лит. *nusiduoti* (Giera Maloningu *Diewa walia nūssidūst*), лтш. *nuoduōt*.

**n(e/o)u* + **d^beH-*: др.-хет. *nu ... dai*, ст.-лит. *nusidemi*.

В старолитовских текстах еще можно усмотреть некоторые следы происхождения возвратных глагольных форм типа *nusidawe* из древних синтаксических сочетаний (типа хет. *nu-šši-dai-*); в этом отношении в старолитовском наблюдается эволюция, типологически близкая к древнеирландскому, где, как и в восточно-балтийском, в пределах глагольного комплекса воспроизводится синтаксическая структура большего синтаксического целого. Поэтому морфологические правила построения старолитовских глагольных форм (как и определенных прилагательных) оказываются существенным материалом для реконструкции общесиндоевропейских синтаксических конструкций.

К древнему индоевропейскому синтаксическому сочетанию относительного местоимения **io* и формы 2-й серии от **b^bu(H)-* восходо-

дит форма латышского дебитива (в старолатышском еще не имеющая значения обязательности): лат. диал. *jābūt*, ср. то же сочетание в обратной последовательности в др.-ирл. *boie< *bhōue-io* (*tír boie Chuind chéthchoraig*), ср. аналогично построенное гал. *dugilontio* 'кто служит' (букв. 'служат которые') и отражение исходной общеиндоевропейской конструкции в авест. *yōi bābvarē* 'те, которые бывали'.

Методы реконструкции фрагментов индоевропейских текстов предста-
вляются существенными для выяснения истории индоевропейской
и балтийской именной формы (позднее причастие действ. зал.) с суффиксом *-nt от корня *-eъ 'быть'. Для общеиндоевропейского ре-
конструируется делокутивное использование формы *(e/o) *sont-*
в качестве перформативного высказывания, отраженное в значении
лат. *sōns* 'виновный', др.-исл. *sannr*, в др.-инд. вед. *yád satyám* 'которое (из двух слов) правдивое' и в архаической хет-
тской формуле признания в грехе *aśan-at* 'это истинно так' (си-
нонимично *esziy-at* 'это так и бывает', ст.-лит. *ēsti*).

В этом реконструируемом индоевропейском перформативном выс-
казывании представлен прототип тех именно восточнобалтийских
употреблений форм, восходящих к причастию на -nt, в которых
Эндзелин видел главную причину отсутствия 3 л.мн.ч. на -nt в
балтийском. В старолитовских текстах обращает на себя внимание
широкое распространение предикативного и абсолютного употребле-
ния причастных форм на -nt (в частности, от глаголов бытия).
Их превращение в *modus relativus* может датироваться значительно
более поздним историческим временем, но сама тенденция к построению
предложений типа ст.-лит. *netik diewa santi* 'non credunt
deum esse' (Бреткунас) может восходить к тому времени, когда
использовались в том же контексте именные обороты с *(e/o)sont.
В дальнейшем в части литовских диалектов и в латышском развитие
Modus relativus привело к формированию особой глагольной кате-
гории, сопоставимой с аналогичным употреблением форм со значением
"засвидетельствованности" в ряде балканских (в том числе и не-
которых южнославянских) языков. Эта грамматическая категория как
таковая может считаться относительно поздним результатом развития,
охватывающего не весь восточно-балтийский ареал, а только его
часть. Но истоки такого употребления формы *-nt восходит не только
к общебалтийскому, но и к общеиндоевропейскому предикативному

употреблению причастий (а на более раннем этапе – отглагольных имен) не *-nt-. Это употребление могло послужить (на значительном ареале, охватывающем почти все индоевропейские диалекты) причиной вовлечения *-nt в глагольную парадигму. Невключение *-nt в парадигму глагола (предполагаемое гипотезой об исконном отсутствии дифференциации чисел в 3 л. в балтийском) лучше согласуется с гипотезой об архаическом использовании причастия на *-nt как предикативе (ср. параллелизм хет. *as̥ant*- и *ešzi*, с одной стороны, лат. *sōns* и *sunt* в контекстах типа архаического – у Бартона – *Tanti sunt mi emptae? Sunt* – с другой¹).

Соотносившаяся с формой I-й серии на *-nt форма 2-й на -г представлена как в 3 л. мн.ч. (в большинстве древних индоевропейских языков – индо-иранских, хеттских, тохарских, латинском, ср. хет. *ešir* 'они были', др.-инд. *āśur-*), так и в 3 л. ед.ч. (формы медиопассива на *-tor, -ог в кельто-италийско-фригийско-анатолийско-тохарском ареале). Характерной особенностью форм с этим архаическим окончанием 2-й серии, в большинстве диалектов вытесненным формой I-й серии на *-nt, является то, что за ним следует обычно вторичный гласный элемент (чаще всего), ср. тох. -ge, др.-инд. -ge<*ga + i фриг. *addaketera* и т.п. Это позволяет предположить, что и в ст.-лит. уга, лтш. *iğ* следует выделить гласный элемент, следовавший за древним окончанием (по происхождению именным, ср. гетероклитическое чередование *-r/-nt* в имени) –г 2-й серии (в конечном счете родственным и хет. 3 л. мн.ч. прош. вр. –г, –г в перфекте в индо-иранском и в медиопассиве); предполагавшееся объяснение из частицы –г(а) не противоречит предлагаемому, но относится к другой хронологической плоскости (как и в случае *ešlo*).

Для установления контекстов, в которых *uga* позднее стало замещать ст.-лит. *ēstī*, важно противопоставление старолитовского использования *nega* в предложениях о существовании (*Nega Diewo* –польск. *Nie masz Boga*, "Funktay Sakimu" Ширвида) и отрицательной формой связи *ne esti* (=польск. *nie iest, nie sq.*). В конструкции с отрицанием в старолитовском, по-видимому,нейтрализовалось противопоставление по длительности-недлительности, в связи с чем недлительное *uga* заместило *ēstī* (значение, которое можно считать архаизмом, восходящим к общеиндоевропейскому). Типологической параллелью может быть нейтрализация противопоставления между хеттскими длительно-итеративными глагольными формами

на *-sk-* (функционально соответствующими древним редуплицированным) и недлительными (нейтеративными) в отрицательной конструкции, являвшейся синтаксической позицией нейтрализации для этого противопоставления.

Для объяснения того, почему именно ст.-лит. *ugā* заместило *ēsti* в этой позиции нейтрализации, можно использовать гипотезу, объясняющую *ugā* как форму 2-й серии на *-g*, ср. типологически лтш. *nevaid* < **ne vaid* и противопоставление перфекта (другого происхождения) с отрицанием (*nēstī s̥itvorilz*) аористическим формам (*s̥itvori*). В пользу предположения о том, что в древних индоевропейских языках в конструкциях (не) обладания могла выступать форма глагола, образованная по 2-й серии, говорит и др. – перс. *āha* в Бахистунской надписи.

Предполагаемое объяснение истории лит. *ugā* подтверждается также сравнением с тох. В 3 л. мн. ч. *stare* (ср. др.-инд. *asthiran*) в глаголе-связке, распространение которого на единственное число характерно для форм с энклитическими местоимениями.

Рассматриваемое в диссертации противопоставление двух серий глагольных форм в общеиндоевропейском проводится в единственном числе и в третьем лице множественного (в формах именного происхождения с гетероклитическим *r/-nt*). В первых двух лицах множественного числа это противопоставление проводится только в отдельных диалектах, в частности, благодаря распространению на эти числа *-i* из первичных окончаний I-й серии, что можно предположить и в одном из двух вариантов реконструируемой общебалтийской парадигмы – при допущении (на основании определенной интерпретации прусских и латышских флексий) форм типа **estmēi*, **estēi* наряду с более несомненными **estbē*, **estē*. В двух последних, как, вероятно, и в окончаниях дв. ч. I л. *-vā*, 2 л. *-tā* можно видеть отражение позиционного варианта индоевропейского окончания с удлинением конечного гласного (ср. вед. *-ma*, *-mā*, *-ta*, *-tā*). Сравнение идентичных контекстов употреблений глагола *ed-* 'есть' в древних индоевропейских диалектах позволяет прийти к заключению о возможности реконструкции формы **ed-tēn* как общей для индо-иранского и анатолийского.

Наибольший интерес для сравнительно-исторического исследования индоевропейского глагола представляет то, что данное окончание 2-го лица как в хеттском, так и в древнеиндийском используется одновременно в двух функциях – временной (показатель прошедшего

шего времени) и модальной (показатель императива). Следовательно, можно утверждать, что уже в период формирования общих черт этих диалектов одна и та же флексия могла использоваться в значении ненастоящего (прошедшего) времени и косвенного (неизъявительного) наклонения. В этом смысле можно говорить об особом "вторичном" окончании еще до оформления противопоставления первичных и вторичных окончаний, которое (в частности, на основании балтийских и в особенности славянских данных) нельзя считать общеиндоевропейским.

Такой характер использования вторичного окончания показывает, что первоначальная его функция не могла быть собственно временной (аналогичный вывод сделан Е.А.Крейновичем на основании типологически сходных фактов енисейских языков). Этот вывод подтверждается с помощью анализа окончаний I-й серии методами ранговой грамматики.

Сохранение в изолированных модальных формах архаизмов, предшествующих периоду формирования собственно временных отношений, продемонстрировано на примере индо-иранского инъиктива, оказывавшегося по происхождению типологическим предшественником некоторых славянских форм с вторичными индоевропейскими окончаниями. Аналогичным образом оказывается возможным охарактеризовать прусские сигматические модальные формы на *-sei* в их взаимоотношении с сигматическим аористом, в балтийском не развившемся, и с будущим временем, позднее возникшим из форм модального характера.

Возникновение и развитие систем временных отношений происходило в индоевропейских языках в период перестройки структуры словоформ, вызванной исчезновением ларингальных. Этот процесс был типологически подобен падению редуцированных в славянском. Это был процесс, одновременно общеиндоевропейский – последний из общеиндоевропейских процессов (в существенной мере затронувший и анатолийские языки, где ларингальные уже исчезали в формах с флексиями типа *-t^ho > анат. -tta, в носовом суффиксе *-dēn- и т.п.) – и диалектный индоевропейский, по-разному протекавший в каждом из основных диалектов. Формы 2-й серии, содержащие ларингальные, в частности, формы с корнем на ларингальный (*dōH-, *d^beH- и т.п.) в каждом из диалектов изменились по-разному, хотя можно отметить и существенный параллелизм их эволюции. На стыке корневого морфа и гласной фонемы, принадлежавшей флексии, во мно-

гих диалектах использовались элементы, игравшие роль заполнителей зияния и в этом смысле продолжавшие (чаще всего не непосредственно) функцию ларингальных фонем в составе данной словоформы (но не в фонологической системе, где они большей частью не являлись прямыми рефлексами ларингальных). В балтийском и славянском (как и в ряде других диалектов) в этой роли, в частности, были использованы морфологические показатели $-j-$ < $-y-$ и $-v-$

< $-w-$ в корнях типа $*dōH-w->*dōv-$, $*dōH-y->*dōj-$ (использование обоих показателей при одном корне говорит против их понимания как лабиоларингального и палатального ларингального). В тохарском (и отчасти в греческом) сходную функцию исполнял элемент $-k-$ (тох. AB $tāk-$ при $*d^hēH-$ и т.п.). Далеко идущая перестройка всех парадигм глаголов второй серии (включая и глаголы с носовыми аффиксами), вызванная падением ларингальных, в деталях осуществлялась в каждом из диалектов по-разному, хотя некоторые общие тенденции (например, в характере элемента, заполняющего зияние на морфемном шве) позволяет сгруппировать диалекты, в частности, наметить явления, общие для балтийского и славянского.

Однако при сходстве использования некоторых элементов как частей словоформ в составе глагольных парадигм их функции оказывались существенно различными. В славянском глагольные основы на $-y->-j-$ были переосмыслены преимущественно как особый тип основ настоящего времени (в хеттском соответствующие основы на $-y-$ обнаруживаются в разных временах). В балтийском же достаточно рано формируется тип претерита на $-j-$, противопоставляемый настоящему времени с другими суффиксами (в том числе носовым); позднее (в частности, в восточнобалтийском) к этому претериту могли быть построены и формы настоящего времени на $-j-$.

Возможность соотнесения некоторых из архаичных балтийских претеритальных (в частности, супплетивных) форм с армянскими, албанскими и тохарскими позволяет предположить, что перечисленные языки входили в область на периферии "аугментного ареала" (ср. наличие аугмента в армянском, в аористе, но не в имперфекте во фригийском при его единичных следах в албанском и тохарском). В пределах этого ареала древнее противопоставление глаголов I-й и 2-й серий трансформировалось в оппозицию длительных и аористических корней (в славянском эта оппозиция значительно менее от-

четлива, ср. образование аориста к таким длительным корням как *ed- и т.п.). Иначе говоря, при трансформации оппозиции двух серий (древней активной и инактивной) в различие видо-временных категорий (до этого отсутствовавших или только намечавшихся) в значительной группе индоевропейских диалектов, к которым примыкают балтийские, существенным оказалось различие длительных корней, от которых стали образовываться формы настоящего времени I-й серии, и корней недлительных, использовавшихся в определенных типах претеритов. Но конкретное распределение глаголов по этим группам в балтийском существенно отличалось в настоящем времени от аналогичных типов образования форм в пределах аугментного ареала. В частности, большая часть древних глаголов 2-й серии стала образовывать настоящее время по типу I-й серии. Следы аналогичного развития реконструируются и для праславянского, а отдельные явления этого типа распространяются и на западную диалектную область (италийский и германский).

Несмотря на наличие общих черт в системе архаичных балтийских претеритальных форм и форм диалектов аугментного ареала не представляется возможным реконструировать для общебалтийского аорист. Можно говорить лишь о наличии форм претерита, которые, как и аорист в аугментном ареале, исторически продолжают тип 2-й серии. Но сам характер этого продолжения в балтийском отличен от аугментного ареала (оппозиция первичных и вторичных окончаний и сигматический показатель для этого не используются), а система настоящего времени отличается от него радикально.

Все исторические индоевропейские диалекты различают систему форм настоящего времени и другую систему форм или несколько таких непрезентных систем (обычно две). Можно воспользоваться авестийской формулой, в которой в пределах одного текста противопоставлены формы *āphare* 'были' (перфект от *es-, глагол преимущественно I-й серии), *bavvare* 'бывали' (перфект от *bhuiH-, глагол 2-й серии), *hanti* 'существуют' (-'суть', презенс от *es-) как моделью для типологического описания противопоставлений в других индоевропейских диалектах. В старославянской соответствующая семантическая оппозиция передается формами *běša*-*bysa*-*sotъ*, в литературном литовском – противопоставлением *būdavo*-*būvo*-*ugà(ēsti)*. В балтийском и славянском (как и в оскско-умбском в отличие от латинского) основные противопоставления внутри группы претеритальных форм образуются от глагола 2-й серии *b^huiH-, тогда как в индо-иранском,

анатолийском и тохарском используются прежде всего преобразования форм разных серий от глагола *es-. Ситуацию в раннем анатолийском можно воспроизвести как оппозицию хет. *eššir* (этимологически соответствует авест. *āphare*), лув. *ašanta* (древняя анатолийская форма 3 л.мн.ч. инъиктива с вторичными окончаниями), хет. *ašsanzi* (авест. *hanti*, слав. *sot'*). В тохарском В трехчленная оппозиция выражена соответственно формами 3 л.мн.ч. *asuey* (3 л.мн.ч. имперфекта из атематического оптатива от *es-/*s-) - *takare* (прош.вр. от корня 2-й серии *d^hēH с древним окончанием 2-й серии, родственным авест. -ge, хет. -ir) - *nesām* <*no-sent (форма с вторичными окончаниями, в тохарском используемыми в настоящем времени).

Общеиндоевропейскую систему, по-видимому, следует себе представить ближе к хеттской, чем к глаголу в языках аугментного ареала, с которым общие черты есть и в балтийском и славянском. Противопоставлялись не столько сами корни, сколько типы образования форм по двум сериям. Оппозиция двух типов глаголов бытия и других подобных глаголов ('есть', 'идти') выражалась в общеиндоевропейском в двух типах образования от одного и того же корня (*es- и др.), что еще отчетливо выражено в анатолийском и отчасти в индо-иранском (*esm-i, *es-m : *(e)s-Но, 1 л.ед.ч. *(o)s-onti-i : *(o)s-ont; *es-er, 3 л.мн.ч.). Следы обоих типов образования прослеживаются и в балтийском и славянском (ср. *ei-mi : *i-o-Но).

Признание большей древности форм 2-й серии по сравнению с формами 1-й серии, убедительно показанное в серии работ последних лет (прежде всего Ф.Бадер), не должно вести к преувеличению, которое заключалось бы в исключении этой последней из общеиндоевропейской реконструкции. Для позднего общеиндоевропейского, как и для ранних состояний таких отдельных индоевропейских диалектов, как балтийский, приходится восстановить обе серии форм. Если принимать предлагавшееся в последнее время сближение общеиндоевропейского с языками активного типа, то различие форм первой (активной) и второй (инактивной, откуда позднейшее ее медиальное и депонентное значение) серий следует сопоставить с возможностью образования от одного корня активных и инактивных форм (как в языках тупи-гуарани). Что же касается предлагавшихся в духе типологии языков активного типа лексической дифференциации

дублетных корней, то соответствующие супплетивные соотношения в большинстве случаев приходится отнести к относительно более поздним диалектным процессам, что по хронологическим причинам сделало бы крайне затруднительным такое типологическое объяснение (во всяком случае для наиболее ясных пар супплетивных глаголов). Иначе говоря, для общеиндоевропейского нет оснований предполагать наличие лексических дублетов, в значениях которых корней предполагающих различие активности-неактивности. Но от одного и того же корня в индоевропейском могла быть образована система основ, спрягавшихся и по 1-й и по 2-й серии. Введение же разных корней в эти системы форм происходило в основном в результате позднего диалектного развития (прежде всего в аугментном ареале и на его периферии). Возможность образования форм двух серий от одного корня создает многозначность вероятных исторических объяснений (ср. слав. *важъ*, лат. *fōr* при греч. гом. *phēmī* и т.п.).

Специальные разделы первой главы диссертации посвящены более подробному разбору проблем происхождения отдельных типов окончаний, в частности, множественного и двойственного числа в связи с проблемой выражения аксклизива-инклузива в личных окончаниях и местоимениях (в свете типологических сопоставлений с бамилеке, а также с типологией сложений с конечным числительным '2').

Основные результаты работы суммированы в кратком заключении. В приложения вынесены библиография и экскурсы по отдельным специальным вопросам: проблема происхождения отглагольных имен (прилагательных, позднее причастий и герундивов, а затем и личных глагольных форм) на -₁-в балтийском и славянском в свете данных анатолийских и тохарских языков; синтаксис сочетаний, отраженных в глагольных комплексах с начальными *te/o-, *io- и vi- в балтийском в сопоставлении с анатолийскими и микенскими греческими данными; проблема перфектирующих частиц *зом и *ком, происхождение индоевропейских превербов и предистория I-й серии, в частности, в свете сопоставления балтийских и славянских рефлексов *зом с анатолийскими и древнеиндийскими в совпадающих индоевропейских контекстах; происхождение индоевропейских превербов в свете типологии служебных имен и вопрос о предистории I-й серии с точки зрения параллелей в посессивных формах; ларингальный показатель в формах 2-й серии (в связи с данными внешнего сравнения); проблема

тиологии глаголов звучания в сопоставлении с енисейскими параллелями (морфологическими и синтаксическими); проблема происхождения балтийских и славянских глаголов на *-sk- в свете данных индоевропейской диалектологии; реконструкция сочетания *d^hen с именем существительным *(e/o)nōH-men- по данным балтийских и славянских языков в сопоставлении с древними индоевропейскими.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Монографии:

1. "Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы". М. "Наука", 1965 (25 печ.л.).

2. "Хеттский язык". М. Изд. восточной литературы, 1963 (15 п.л.).

II. Статьи:

3. "О значении данных хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков". - "Вопросы славянского языкознания", вып.2. Изд. АН СССР, М. 1957 (2 п.л.).

4. "Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии", - "Вестник Московского университета", 1957, № 3 (2 п.ч.).

5. "О методах изучения истории индоевропейского пражзыка и его диалектов" (тезисы). - "Тезисы докладов на расширенном заседании Ученого Совета Ин-та языкознания АН СССР". М. Изд. АН СССР, 1957 (0,5 п.л.).

6. "О методах изучения истории индоевропейского пражзыка и его диалектов" (полный текст работы № 5). - "О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков". М. Изд. АН СССР, 1960 (1,5 п.л.).

7. "К изучению лексики лувийского языка", - "Изследования в честь на акад. Д.Дечев", Изд. Болгарской Академии Наук, 1958 (0,5 п.л.).

8. "О значении новых данных хеттского и тохарских языков для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков" (на англ.яз.) - "The importance of new data of Hittite and Tocharian languages for the comparative grammar of Indo-European languages" . - "Труды 8-го Международного Конгресса лингвистов" ("Proceedings of the Eighth International Congress of linguists"), Изд. Университета Осло, Oslo, 1958 (0,5 п.л.).

9. "Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков". - Сб. "Тохарские языки", М., Изд. иностранной литературы, 1959 (2 п.л.).

10. "О прерывистой интонации в латышском языке". "Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam". ("Сб. статей, посвященных Я. Эндзелину") Rīga, Рига, Изд. АН Латвийский ССР, 1959 (1 п.л.).
11. "Русское молить и хеттское maldai". - "Этимологические исследования по русскому языку", вып. I. Изд. Моск. университета, 1960 (0,5 п.л.).
12. "Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении". - "Доклады советской делегации на XXI Международном конгрессе востоковедов". Изд. восточной литературы, М., 1960 (1 п.л.).
13. Английский перевод работы № 12. - "Доклады советской делегации на XXI Международном конгрессе востоковедов". Изд. восточной литературы. М., 1960 (1 п.л.).
14. То же, перепечатано в "Труды XXI Международного конгресса востоковедов", т. I. М., Изд. АН СССР, 1962 (1 п.л.).
15. "К этимологии русского части". - "Сб. статей по языко-знанию памяти М. В. Сергиевского". М., Изд. МГУ, 1961 (0,7 п.л.).
16. "Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка". - "Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии". М., Изд. восточной литературы, 1961 (2 п.л.).
17. "Об агглютинации в индоевропейском словообразовании и формообразовании". - "Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. Тезисы докладов". М., Изд. АН СССР, 1961 (0,4 п.л.).
18. "Древнеиндийский миф о происхождении имен и его параллель в греческой традиции". - Сб. "Индия в древности". М. "Наука", 1964 (1 п.л.).
19. "Реконструкция структуры индоевропейского предложения" (Тезисы). - "Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков". Изд. МГУ, 1964 (0,3 п.л.).
20. "Происхождение литовских приставочных возвратных глагольных форм. - Сб. "Конференция по вопросам истории балтийских языков". Вильнюс, 1964 (0,2 п.л.).
21. "Эргативная конструкция в общеиндоевропейском". - "Эргативная конструкция предложения в языках разных типов". Л., "Наука", 1964 (0,3 п.л.).
22. "Вопросы лингвистической географии и типологии применительно к древним индоевропейским диалектам". - "Проблемы лингво-

- и этнографии и ареальной диалектологии". М., "Наука", 1964, (0,1 п.л.).
23. "Об одном семантическом архаизме и бамилеке". - Сб. "Языки Африки". М., 1966 (0,3 п.л.).
24. "Использование в этимологических исследованиях сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках" (Тезисы). Тезисы докладов на Международном симпозиуме "Проблемы славянских этимологических исследований". М., 1967 (0,2 п.л.).
25. "Сочетания однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках" (полный текст работы № 24). - "Этимология". М. "Наука", 1969 (1,2 п.л.).
26. "Индоевропейский глагол: две серии форм" (Тезисы на английском языке: "Indo-European verb. Two Series of Forms"). Сб. "Тезисы докладов на X Международном съезде лингвистов" "Abstracts of reports for X International Congress of linguists", Бухарест, Bucharest, 1967 (0,1 п.л.).
27. "Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском". - "Славянское языкознание: Доклады советской делегации". М., "Наука", 1968 (4 п.л.).
28. "Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском". Тезисы работы № 27. - "Тезисы докладов на XI Международном съезде славистов". Прага, 1968 (0,1 п.л.);
29. "Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики". - "Известия АН СССР. Сер. литературы и языка", т.27, вып.3, 1968 (1 п.л.).
30. "Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии". - "Ученые записки Тартуского Государственного Университета. Труды по знаковым системам". ІУ, 1969 (2 п.л.).
31. "Использование в диахронии и типологии записи с категоризованными скобками для правил синтаксической акцентуации (на материале славянских, микенского греческого и других индоевропейских языков)". - "У Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Материалы симпозиума". Тбилиси, 1970 (0,3 п.л.).
32. "Сuffix -sk-> балтийское -sk- и проблема глаголов, обозначающих звуки": Suffix -sk-> Baltic -sk- and the problem of verbs denoting sounds. - "Tonum Balticum. To Prof. Chris-

tian S.Stang", Stockholm ("Балтийский сборник проф.Х.С.Стангу". Стокгольм), 1970 (0,8 п.л.).

33. "О фонологии ударения". - "Кузнецовские чтения. Тезисы докладов на чтениях памяти П.С.Кузнецова". Институт русского языка АН СССР, 1970 (0,2 п.л.).

34. "Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках". - "Балто-славянский сборник". М., "Наука", 1972 (1 п.л.).

35. "Сравнение поверхностных и глубинных синтаксических структур как метод реконструкции общеиндоевропейского и раннеобщеславянского синтаксиса". - "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. "Предварительные материалы" М., "Наука" , 1972 (0,4 п.л.).

36. "Единство предмета науки о языке". - "Известия АН СССР. Сер. литературы и языка", XXXII, № 3, 1973 (1 п.л.).

37. "К типологическому и сравнительно-историческому исследованию инфинитива в балканских и других индоевропейских языках". - "Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков". М., 1973 (0,5 п.л.).

38. "К типологии инфинитива в балканских языках" (полный текст работы № 37). - Сб. "Славянское и балканское языкознание". М. "Наука", 1976 (1 п.л.).

39. "Индоевропейские синтаксические истоки славянских морфологических видовых оппозиций". - "Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности". М., 1973 (0,2 п.л.).

40. "К типологии развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов". - "Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков". М., "Наука", 1973 (1,2 п.л.).

41. "Славянские языки" ("Slavic languages") - "Британская энциклопедия" ("Encyclopædia Britannica"), 1974 (1 п.л.).

42. "Реконструкция общебалтийских синтаксических структур". - "Балто-славянский сборник". М., "Наука", 1974 (0,7 п.л.).

43. "Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой". "Zeitschrift für Slavistik" - "Журнал славистики" (ГДР) XX, 1974, № 2 (1 п.л.).

44. "К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонемами". - "Вопросы фонологии восточных языков". М., "Наука", 1975 (4 п.л.).

45. "О некоторых названиях металлов в балтийских языках". - "Тезисы III Всесоюзной конференции по балтийским языкам". Вильнюс, 1975 (0,2 п.л.).

46. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. - "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", XXXIV, 1975, № 5 (1 п.л.).

47. "Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен". - "Славянское и балканское языкознание". М., 1975 (2 п.л.).

48. "Диахроническая и синхроническая типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами". - "Лингво-типологические исследования. II. Публикация лаборатории вычислительной лингвистики МГУ", изд. МГУ, 1975 (1 п.л.).

49. Рецензия на книгу: W.P. Lehmann. *Proto-Indo-European Syntax*. - "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", 1977, № 4 (0,4 п.л.).

50. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа об убийстве пса и евразийские параллели. - "Балканская лингвистика", М., "Наука", 1977.

51. "О происхождении некоторых балтийских названий металлов". "Baltistica", XIII, I, Вильнюс, 1977 (1 п.л.).

52. "К типологии числительных первого десятка в языках Евразии". - "Проблемы лингвистической типологии и структуры языка". Л., "Наука", 1977 (0,5 п.л.).

53. "К архаичным формулам в хеттских гимнах". - "Archiv Orientální", Прага, 1978, vol. 46, № 1 (0,3 п.л.).

54. Zur Herkunft der einzigen baltischen Verbalformen (К происхождению некоторых балтийских глагольных форм). - "Журнал славистики" ("Zeitschrift für Slavistik", ГДР). XXIV, 1978, № 5 (1 п.л.).

55. Реконструкция индоевропейских акцентологических структур. - "Проблемы реконструкции. Тезисы докладов. Институт языкознания АН СССР. Научный Совет по теории языкознания Отделения литературы и языка АН СССР", М., "Наука", 1978 (0,3 п.л.).

56. И.-е. *sont- > балт. *sant-* и предыстория *Modus Relativus* "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Институт славяноведения АН СССР". М., "Наука", 1978 (0,2 п.л.).

57. Следы индоевропейских комплексов энклитик в славянском - *Studia linguistica*, ed. H. Birnbaum, Berkley-Los Angeles University of California Press., 1978 (1 п.л.).

58. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентации в миленском греческом. - "Балканский лингвистический сборник", М., "Наука" (в печати) (1 п.л.).

59. Об архаических чертах в раннебалканском глаголе. - "Балканский лингвистический сборник", М. "Наука" (в печати). (1 п.л.).

60. Об отражении *u.-e._o* > балт. *u* в свете этимологических данных. - "Балто-славянский сборник", М. "Наука" (в печати). (1,3 п.л.).

61. История категории определенности-неопределенности в балтийских, славянских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики. - "Категория определенности-неопределенности в славянских языках", М. "Наука". (в печати) (3 печ.л.).

62. *Syntactical archaisms of Old Hittite* (Синтаксические архаизмы древнехеттского"). - "Hethisch und Indogermanisch", herausgegeben von E. Neu und W. Meid, Wiesbaden (в печати) (0,5 п.л.).

63. Развискиания в области анатолийского языкознания. - "Этимология. I977", М. "Наука" (в печати) (0,8 п.л.).

Подписано к печати 6/XII-1978 г.
Объем 2,25 п.л. Тир. 200 экз. Зак. 376.
Офсетное производство З-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

